

Я. К. Грот

**Спорные вопросы русского
правописания от Петра
Великого доныне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
Я11

Я11 **Я. К. Гrot**
Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Я. К. Гrot – М.: Книга по Требованию, 2021. – 164 с.

ISBN 978-5-458-32657-5

Вниманию читателя предлагается классический фундаментальный труд выдающегося российского филолога Я.К.Грота (1812—1893), посвященный проблемам русского правописания. В этой книге автор предложил нормы русской орфографии, по которым она была одним из наиболее авторитетных пособий вплоть до реформы 1918 года. В книге также рассматриваются особенности русской фонетики, значение и развитие письма, история русского правописания и другие вопросы. Книга будет интересна филологам-руристам и филологам других специальностей, историкам языка, учащимся филологических факультетов вузов.

ISBN 978-5-458-32657-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКАГО ПРАВОПИСАНИЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНЪ.

«Правописаніе должно быть общее и по
существу дѣла, и по существу слова.»
Сумароковъ. (Соч. X, 32.)

I.

У всѣхъ образованныхъ народовъ господствуетъ требование, въ большей или меньшей степени удовлетворяемое, слѣдовать однообразному, твердо установленному способу изображенія звуковъ языка на письмѣ. Оттуда и самое понятіе о *правописаніи*, и названіе этого отдѣла грамматики. Такое требование совершенно правильно и естественно: языкъ состоять изъ явлений, не случайныхъ, а основанныхъ на законахъ, которые органически связаны между собою общимъ, хотя и не всегда яснымъ единствомъ. Умъ человѣческій стремится къ раскрытию и объясненію этихъ законовъ. Въ устной рѣчи, какъ непосредственномъ дѣйствіи нашего духа, они соблюдаются нами безсознательно; но письмо, какъ результатъ науки, не можетъ происходить надлежащимъ образомъ безъ разумѣнія этихъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ соблюденія точныхъ, преданіемъ или обычаемъ установленныхъ правилъ. Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы и сами черезъ минуту послѣ начертанія звука¹) вполнѣ понималъ и легко узнавалъ каждое написанное нами слово.

¹) Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

Въ отношеніи къ правописанію образованные народы представляютъ двоякое явленіе: у однихъ письмо очень близко выражаетъ звуки языка, у другихъ оно болѣе или менѣе удаляется отъ произношенія. Въ первомъ случаѣ, значитъ, письмо основано на выговорѣ, или — употребляя научный терминъ — правописаніе установилось *фонетическое*, каково напр. итальянское: нужно только усвоить себѣ значеніе итальянскихъ буквъ и, разумѣется, узнать законы ударенія, чтобы по книгѣ довольно вѣрно произносить каждое слово. Во второмъ случаѣ различіе между письмомъ и произношеніемъ происходитъ большою частью отъ того, что въ живомъ языкѣ произношеніе отступило отъ его первоначальныхъ формъ, а письмо стремится сохранить ихъ. Таково происхожденіе *этимологического* правописанія. Очевидно, что оно имѣетъ научное значеніе, что оно — орудіе и вмѣстѣ пособіе науки. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ шведскомъ, *фонетика* получила мало по малу перевѣсь надъ *этимологіей*; въ другихъ, особенно во французскомъ, произношеніе такъ искали древнія формы словъ, что одно правописаніе сохраняетъ память ихъ происхожденія и даетъ имъ смыслъ. Есть наконецъ и такие языки, въ которыхъ, хотя они и не потерпѣли такого фонетического искаженія, этимологическое начало правописанія все-таки преобладаетъ, какъ необходимый охранитель и регуляторъ языка: таковы языки русскій и пѣмѣцкій. Въ позднѣйшее время нѣкоторымъ казалось, что русское правописаніе могло бы совершенно отбросить производственный элементъ и сдѣлаться чисто звуковымъ; но эта мысль не можетъ устоять передъ мало-мальски серіозною критикой. Въ русскомъ языкѣ столько не вполнѣ определенныхъ, не вполнѣ явственныхъ звуковъ, особенно гласныхъ, и притомъ столько видоизмѣненій ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, что для множества словъ явилось бы по пѣсколько начертаній и орѳографія лишилась бы всякаго руководящаго начала. Между тѣмъ преимущественно - этимологическое правописаніе способствуетъ къ уясненію исторіи языка; оно доставляетъ намъ вѣрнѣйшее средство отыскивать смыслъ въ формахъ рѣчи, правильно судить

о развитії или упадкѣ языка, основательно сравнивать родное слово съ языками другихъ народовъ. Раціональное правописаніе, путемъ школы и литературы, имѣеть пессомнѣнное вліяніе на успѣхи языка, на употребленіе его въ средѣ образованныхъ классовъ, а посредствомъ ихъ это вліяніе можетъ, въ нѣкоторой степени, распространяться и на народъ. При такомъ значеніи этимологического правописанія, нельзя не заботиться о поддержаніи его въ той степени, въ какой языкъ, по своему характеру, этого требуетъ, и о томъ, чтобы основанія такого письма болѣе и болѣе очищались наукой отъ всякихъ ошибочныхъ толкованій.

Изъ только-что сказаннаго можно заключить, что языки въ разной мѣрѣ имѣютъ надобность въ этимологическомъ правописаніи. Дѣйствительно, не всякий языкъ равно къ нему способенъ и равно въ немъ нуждается. У Италианцевъ звуки такъ опредѣленны, такъ чисты и просты, что производственное начало почти безъ борьбы уступило побѣду фонетическому. Обыкновенно же, чѣмъ менѣе формы языка самобытны, чѣмъ болѣе онъ уклонились отъ своего первообраза или источника, тѣмъ правописаніе своеенравнѣе, тѣмъ болѣе оно основано на многосложныхъ, частью условныхъ правилахъ, но въ то же время тѣмъ оно тверже, тѣмъ строже соблюдается всѣми. Мы замѣчаемъ это особенно въ языкахъ английскомъ и французскомъ, гдѣ тотъ же звукъ въ одномъ словѣ изображается такъ, въ другомъ иначе, и гдѣ однакоже тотъ, а не иной способъ написанія каждого слова совершенно установленъ и для всѣхъ обязательенъ. Напротивъ, въ языкахъ коренныхъ, болѣе или менѣе сохранившихъ свои первобытныя правильныя формы, орѳографія бываетъ разнообразнѣе и труднѣе устанавливается. Причина тому понятна: при постепенно усиливающемся уразумѣніи состава и формъ языка возникаетъ стремленіе измѣнять правописаніе, но улучшенія не легко проникаютъ въ общее сознаніе; съ другой стороны, потребность уясненія формъ такого языка даетъ просторъ произволу въ толкованіяхъ, и оттого являются разные способы начертанія однихъ и тѣхъ же словъ.

Въ такомъ положеніи находятся, въ наше время, языки русской и нѣмецкой. Впрочемъ, частыя жалобы на пестроту и неопределенность нашего правописанія едва ли не преувеличены. Правда, что у насъ многія слова пишутся неодинаково; но, вообще говоря, русское правописаніе представляет гораздо менѣе разногласій, нежели нѣмецкое. Для уясненія вопроса въ отношеніи къ намъ, остановимся напередъ на правописаніи Нѣмцевъ.

У нихъ разногласіе начинается отъ самой основы письма — очертанія буквъ: одни пишутъ угловатымъ готическимъ шрифтомъ, другіе круглымъ латинскимъ. Столъ же капитальный споръ идетъ у Нѣмцевъ о томъ, начинать ли каждое существительное имя, по старому, большою буквой, или неѣть. Даѣе, величайшее разнобразіе въ письмѣ возникаетъ отъ вопросовъ: употреблять ли для протяженныхъ слоговъ, въ однихъ словахъ двойныя гласныя (аа, ее, оо), въ другихъ букву *h*? когда изображать звукъ *s* двойною шипящею (ss) и когда знаками *ß*, *fz*, *sz*, и проч. Для нѣмецкой ореографіи очень неблагопріятно то обстоятельство, что языкъ вполнѣ установился и литература достигла богатаго роста прежде нежели явилась въ своемъ высшемъ развитіи филология. Извѣстно, что на всѣ означенные вопросы только въ 1820-хъ годахъ обращено было вниманіе ученыхъ Яковомъ Гриффомъ, который сталъ употреблять совершенно новое правописаніе; напр. онъ допускалъ большую букву единственно въ началѣ собственныхъ именъ, отвергая ее послѣ точки и даже въ началѣ красной строки. Извѣстно также, что правописаніе Гриффа, не смотря на силу его авторитета, до конца его жизни находило не много послѣдователей и что самъ онъ, построивъ свою ореографію на глубоко-обдуманныхъ филологическихъ основаніяхъ, не рѣшался примѣнять ея во всей строгости; такъ напр., изгнавъ *h* послѣ *t* въ окончаніяхъ (*armut, reichtum*), онъ удержалъ этотъ знакъ протяженія въ началѣ словъ (*thun, that, thor*) и говорилъ: «Пускай опь тамъ покуда остается; довольно, если на первый случай удастся вырвать его изъ окончаній». Но далеко не такъ извѣстно, что самъ Яковъ Гриффъ, при всей сознательности своихъ началъ, никогда не могъ

усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Особенно трудно было ему согласиться съ самимъ собой относительно употребленія двойнаго *s* и знаковъ, которыми оно можетъ быть замѣняемо (*ß*, *sz*). Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гrimmъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей ореографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь однами отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гrimmъ (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболѣе подробно разсмотрѣно оно въ гѣттингенской брошюрѣ г. Andresena¹⁾, который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гrimmъ, изучить всѣ основанія его ореографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ опь самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлль въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано²⁾. Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороной языка самостотельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы пѣмѣцкаго правописанія. Оттого въ современной пѣмѣцкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою. Менѣе разногласія видно еще между тѣми грамотеями, которые, не мудрствуя лукаво, держатся прежней ореографіи. Но она дѣйствительно основана па такихъ произвольныхъ правилахъ, что знатокъ языка не можетъ съ нею примириться и по неволѣ ищетъ исхода изъ встрѣчающихся ему въ каждомъ шагу несообразностей. Не удивительно, что въ разныхъ

¹⁾ Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Goettingen 1867.

²⁾ Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

концахъ Германіи беспрестанно издаются брошюры о правописаніи. Между прочимъ такая брошюра недавно издана въ Берлинѣ по соглашенію цѣлаго собранія училищныхъ преподавателей, где дѣло рѣшалось по большинству голосовъ¹⁾). По поводу ея одинъ германскій критикъ справедливо замѣчаетъ, что въ подобныхъ вопросахъ мнѣніе большинства никакъ не можетъ быть обязательнымъ, потому что большинство не всегда бываетъ на сторонѣ правды, особенно въ науки. При этомъ невольно припоминаются слова нашего Сумарокова: «... по большей части вещи утверждаются большинствомъ голосовъ, а невѣжъ больше нежели просвѣщенныхъ людей¹⁾». Не смотря на господствующую въ немецкомъ правописаніи пестроту, можно ожидать, что пробудившійся въ послѣднее время общій интересъ къ этому предмету и тщательное его обсужденіе многими мало по малу приведутъ пишущій міръ къ большему согласію. Строго-историческое начало, которое хотѣлъ исключительно провести Гриммъ, едва ли одержитъ полную побѣду и вѣроятно должно будетъ, слѣдя измѣненіямъ въ языкѣ, дѣлать уступки фонетикѣ. Такъ Гриммъ, по этимологическимъ соображеніямъ, писалъ *gieng*, *fieng*, находя въ этихъ формахъ прошедшаго времени долгое *i*; но почти нигдѣ нынче такъ не произносятъ, и потому начертаніе *ging*, *fin* приобрѣтаетъ перевѣсь. На этомъ же основаніи не могла распространиться и оригинальная ореографія покойнаго корреспондента нашей Академіи наукъ Шлейхера, который, идя еще далѣе Гримма, не призывалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою

¹⁾ Regeln und Wörterverzeichniss für deutsche Orthographie. Herausgegeben («auf Grundlage des Usus») von dem Verein der Berliner Gymnasial und Realschul-lehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 542. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt: «Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage». Также: Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1871, Juni. — Кстати замѣтимъ, что въ слѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной ореографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ среднія и народныя училища (Lefshani).

¹⁾ Полн. собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, X, 21.

буквы *h* и писалъ напр. — вм. *ihm, ihn — im, in*, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога *in* съ краткимъ *i*.

Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ, въ послѣднее время появившихся по этому предмету, особеннаго вниманія заслуживаетъ изданная въ Берлинѣ г. Лефманомъ: «Ueber deutsche Rechtschreibung»¹⁾. Вотъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній изъ этой книжки: Гrimmъ въ своихъ сочиненіяхъ провелъ безспорно двѣ основы орѳографіи — латинское письмо и устраненіе излишнихъ большихъ буквъ, тогда какъ другія несообразности, уже поколебленныя имъ, остались у него по винѣ его издателей. Grimmъ наконецъ уступилъ, объявивъ, что «о словахъ и ихъ начертаніи окончательно рѣшаетъ общее употребленіе и народная воля». Но онъ забылъ, что эти двѣ силы должны быть руководимы, и конечно не издателями и наборщиками, а грамматистами. Въ массѣ пишущихъ старая орѳографія еще въ полномъ ходу; только въ ученыхъ сочиненіяхъ латинское письмо болѣе вошло въ обычай, да и остальными нововведеніями Grimmъ воспользовались почти одни ученые, особенно грамматисты и изслѣдователи языка; къ нимъ надобно присоединить еще нѣкоторые специальные журналы. Тѣмъ не менѣе, съ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, когда явилась «Исторія нѣмецкаго языка» Я. Grimm'a, для нѣмецкой филологіи и грамматики наступила новая эпоха. Въ 1852 году ученикъ Grimm'a, графъ профессоръ Карлъ Вейнгольдъ указывалъ на необходимость признать его начала обязательными. Но этой строгой теоріи Rudolfъ Раумеръ противопоставлялъ здравый практическій смыслъ и правило: «Согласуй по возможности свое письмо съ своимъ произношеніемъ», т. е. историко-этимологическому началу онъ противополагалъ историко-фонетическое. Въ истекшее десятилѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже не много приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще

¹⁾ Dr. S. Lefmann. Berlin 1871. Это — одинъ изъ выпусксовъ изданія: Sammlung gemeinverstndlicher wissenschaftlicher Vortrge. VI Serie, Heft 129.

большую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теоріею и разумною практикою: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, чтобъ въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: «пиши такъ, какъ ты правильно говоришь». Правильно же говорить, по его мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣеть почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признаютъ ограничений, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ, достигнуть общаго признания и принятія.

II.

Обращаясь затѣмъ къ нашему правописанію, мы находимъ (какъ уже и выше замѣчено), что оно далеко не представляется тѣхъ затрудненій, какія существуютъ въ нѣмецкомъ. Встрѣчающіяся у насъ различія можно раздѣлить на два разряда: одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устраниены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ возможно, конечно, двоякое решеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр., написаніе прилагательныхъ: *больнѣ* и *виднѣ* съ буквою ъ вмѣсто е, или глаголовъ: *сыплятъ*, *дремлятъ*, *надѣяются*, *моро-чутъ*, *дышиутъ* съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто *сыплютъ*, *дремлютъ*, *надѣются*, *морочатъ*, *дышиятъ*. Всякаго серіозно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орѳографія просто ошибочна. Къ другому разряду принадлежать между прочимъ слѣдующія разнорѣчія: употребленіе въ однихъ и тѣхъ же слу-

чаяхъ большой или малой буквы въ началѣ слова, смѣшеніе пѣ-которыхъ гласныхъ (е; о), вставка или опущеніе, сліяніе или разложеніе двухъ согласныхъ (з, с; зч=щ). Одни, напр., пишутъ: *Славяне, Нѣмцы*; другіе: *славяне, немцы*. Одни пишутъ: *второй, втораго, легкій, рождать, мечомъ, ученый, душою, желтый*; другіе: *второй, второго, легкой, рождать, мечомъ, ученый, душою, желтый*. Одни: *разказъ, расчетъ, приказчикъ, мужчина, искусство, отверстый*; другіе: *рассказъ, расчетъ, или разказъ, расчетъ, приказчикъ, мужчина, искусство, отверстый*. Одни: *коммисія, адресъ*, другіе: *коммисія или комисія, адресъ*. Наиболѣшую же пестроту наше правоописаніе представляеть въ раздѣленіи или сліяніи словъ, образующихъ вмѣстѣ одно понятіе и принимаемыхъ многими, въ этомъ соединеніи, за предлогъ или нарѣчіе; таковы, напр., слова: *оъ сльѣствіе, въ посльствіи, въ замѣнѣ, по прежнему, по видимому, со временемъ*, которыя пишутся то врознь, то слитно.

Большая часть этихъ различій правоописанія происходитъ и у насъ отъ встрѣчи въ немъ двухъ началъ—*фонетического или зоукового и этимологического или производственного*. Мы видимъ, что въ пѣкоторыхъ случаяхъ береть перевѣсь первое, а въ другихъ второе; наприм., въ начертаніи слитно-употребляемыхъ предлоговъ *воз, из, раз, низ* передъ глухими согласными пишется издавна буква *с*, или: въ словахъ *мякій, ідти, здѣсь, вездѣ* по той же причинѣ пишется *г*, з вмѣсто *к*, с (*мяккій, кдти, сдѣсь, вессдѣ*), какъ слѣдовало бы писать по ихъ составу; напротивъ, въ словахъ *кто, сдѣлать, сдавать, произносимыхъ хто, што, здѣлать, здавать*, соблюдается законъ этимологіи. Кто же или что, въ такихъ разнородныхъ явленіяхъ, рѣшаѣтъ перевѣсь того или другаго начала? Обычай или давность? Но обычай и давность бываютъ иногда, какъ удостовѣряетъ опытъ, въ прямомъ противорѣчіи съ истиной: слѣдовательно окончательный приговоръ въ этомъ дѣлѣ все-таки долженъ принадлежать высшему суду, и право такого суда можетъ быть признано только за наукой. Ей одной подобаетъ рѣшать, въ какихъ случаяхъ уступки ео стороны

производственного начала въ пользу звукового и вообще въ пользу практическихъ удобствъ письма могутъ быть допускаемы какъ разумныя и потому законныя. Все же безпричинное, неосновательное, а тѣмъ болѣе нелѣпое, хотя и употребительное, должно быть ею строго осуждаемо и по возможности устраниемъ изъ обычая. Употребленіе языка людьми мыслящими и вообще грамотными должно быть сознательное; каждый пишущій, если онъ сколько-нибудь образованъ, чувствуетъ потребность отдавать себѣ отчетъ въ начертаніи словъ и стремится къ достижению въ этомъ возможной послѣдовательности. Отсюда, какъ уже было замѣчено, общее требование разумно-установленнаго, единообразнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, кѣмъ онъ употребляется; языкъ есть дѣло мысли, следовательно мысль должна быть присущею въ каждый мигъ его употребленія, и нѣть причины допускать разнообразіе въ решеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ однихъ и тѣхъ же законахъ. Здѣсь мѣсто повторить умныя слова Сумарокова, поставленныя нами въ эпиграфъ настоящаго труда: «правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова». Главнымъ орудіемъ къ исполненію этого вполнѣ законного требованія должна быть школа, — построенное на правильныхъ основаніяхъ обученіе молодежи чтенію и письму. Дѣло науки — руководить школу. Наука постоянно развивается, и потому естественно, что она должна отъ времени до времени повѣрять свои собственныя решенія, а съ другой стороны не оставлять безъ изслѣдованія и утвердившихся обычаемъ правилъ. Мы замѣчаемъ действительно, что во всѣхъ странахъ орѣографія, благодаря успѣхамъ науки, постепенно измѣнялась. Задимствую изъ брошюры г. Лефмана слѣдующій краткій очеркъ такихъ перемѣнъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи установили юніческій алфавитъ, въ которомъ устраниены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ *хи* и *фи* введены *кси* и *пси*, и для отличія долгаго и краткаго е приняты двѣ буквы (*ε* и *η*). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и установо-